

**«Образ Петра
Первого на
страницах романа
Алексея
Николаевича
Толстого
«Пётр Первый»**

Цели:

1. показать становление личности в эпохе;
2. возрастание роли отдельного человека в истории;
3. художественный анализ образа Петра I;
4. воспитание патриотизма, уважения к истории своей страны.

*Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещение,
Не презирал страны родной:
Он знал её предназначенье.*

*То академик, то герой,
То мореплаватель, то
плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был
работник.*

А .С. Пушкин

Петербург основан на слезах и трупах.

Н. Карамзин

**Петру Великому мало конной статуи на
Исаакиевской площади: алтари должно
воздвигать ему на всех площадях и улицах
великого царства русского.**

В.Г. Белинский

Начало работы над романом *«Пётр I»* совпадает с мощным трудовым подъёмом в стране, строительством заводов, новых городов. Алексей Николаевич ощущает переключку двух эпох. Пётр для автора - *«загадка в историческом тумане»*.

В романе показано формирование личности русского царя, историческая роль народа во всех преобразованиях, необходимость реформ. Страна ждала перемен. Пётр оказался тем человеком, который нужен многострадальной России. Именно таким он показан в романе Алексея Николаевича Толстого.

Чтобы понять тайну русского народа, его величие, нужно хорошо и глубоко узнать его прошлое: нашу историю, трагические и творческие эпохи, в которых завязывался русский характер.

Алексей Николаевич Толстой

Над Москвой, над городами, над сотнями уездов, раскинутых по необъятной земле, кисли столетние сумерки - нищета, холопство, бездолье.

Мужик с поротой задницей ковырял кое-как постылую землю. Посадский человек от нестерпимых даней и поборов выл на холодном дворе. Стонало всё мелкое купечество. Худел мелкопоместный дворянин. Истощалась земля; урожай сам-три - слава тебе, господи. Кряхтели даже бояре и именитые купцы.

Боярину в дедовские времена много ли было нужно? - шуба на соболях да шапка горлатная - вот и честь. А дома хлебал те же щи с солониной, спал да молился богу. Нынче глаза стали голоднее: захотелось жить не хуже польских панов, или лифляндцев, или немцев: наслышались, повидали многое. Сердце разгорелось жадностью. ... А где деньги? Туго, весьма туго.

Торговлишка плохая. Своему много не продашь, свой - гол. За границу не повезешь, - не на чем. Моря чужие. Все торги с заграницей прибрали к рукам иноземцы. А послушаешь, как торгуют в иных землях, - голову бы разбил с досады. Что за Россия, заклятая страна, - когда же ты с места сдвинешься? (Кн.1 гл.2, ч.1)

- К тому же мало поворотливы были русские люди. Жили по-медвежьи за крепкими воротами, за неперелазным тыном в усадьбах на Москве. В день отстаивали три службы. Четыре раза плотно ели, да спали ещё днём для приличия и здоровья. Свободного времени оставалось немного: боярину - ехать во дворец, дожидаться, когда царю угодно потребовать от него службы, купцу - сидеть у лавки, зазывать прохожих, приказному дьяку - сопеть над грамотами.

- Россия – золотое дно – лежала под вековой тиной...
Если не новый царь поднимет жизнь, так кто же?

- Не мила, не уютна была русская земля – хуже всякой горькой неволи, - за тысячу лет исхоженная лаптями, с досадой ковыряемая сохой, покрытая пеплом разорённых деревень, непомянутыми могилами.
Бездолье, дичь.

- В Москве - науки, искусства! - сказал он, лягнув ногой под стол. - Сам их здесь только увидел... Их у нас не заводили, боялись... Бояре наши, дворяне - мужичье сиволапое - спят, жрут да молятся... Страна наша мрачная. Вы бы там со страху дня не прожили. Сижу здесь с вами, - жутко оглянуться... Под одной Москвой - тридцать тысяч разбойников... Говорят про меня - я много крови лью, в тетрадах подметных, что-де я сам пытаю...

... Так вы тому не верьте... Больше всего люблю строить корабли... Галера "Принкипиум" от мачты до киля вот этими руками построена (разжал наконец кулаки, показал мозоли)... Люблю море и очень люблю пускать потешные огни.

Знаю четырнадцать ремесел, но еще плохо, за этим сюда приехал... А про то, что зол и кровь люблю, - врут... Я не зол... А пожить с нашими в Москве, каждый бешеным станет... В России все нужно ломать, - все заново... А уж люди у нас упрямы! - на ином мясе до костей под кнутом слезет... - Запнулся, взглянул в глаза женщин и улыбнулся им виновато: - У вас королями быть - разлюбезное дело... А ведь мне, мамаша, - схватил курфюрстину Софью за руку, - мне нужно сначала самому плотничать научиться. (Кн.1, гл.7, ч.7)

Пётр путешествует по Германии

- Пётр и Меншиков вылезли из дормеза, разминутся.
- А что, Алексашка, заведём когда-нибудь у себя такую жизнь?
- Не знаю, мин херц, — не скоро, пожалуй...
- Милая жизнь... Слышь, и собаки здесь лают без ярости... Парадиз... Вспомню Москву, — так бы сжёл её...
- Хлев, это верно...
- Сидят на старине, — ж...па сгнила... Землю за тысячу лет пахать не научились... Отчего сие? Курфюрст Фридрих — умный человек: к Балтийскому морю нам надо пробиваться — вот что... И там бы город построить новый — истинный парадиз... Гляди, — звёзды здесь ярче нашего...
- А у нас бы, мин херц, кругом бы тут все обгадили...
- Погоди, Алексаша, вернись — дух из Москвы вышибу...
- Только так и можно...

Сподвижники Петра

Первым из сподвижников Петра по праву считался светлейший князь, а в прошлом — сын придворного конюха, *Александр Данилович Меншиков*. Почти ровесник Петра, он долгие годы был первым фаворитом царя и многого достиг благодаря своей преданной службе государю.

Сподвижники Петра

В 1689 году *Лефорт* познакомился с молодым Петром, и с этих пор его судьба была неразрывно связана с деятельностью юного самодержца. В 1690 году Петр начал открыто посещать Немецкую слободу, где всё чаще бывал в гостях у Лефорта.

Ни одно дело, задуманное Петром, не обходилось без участия Лефорта. Он командовал полком, кораблем «Марс» во время морских учений, а затем и прибывшим из Голландии кораблём. Он сопровождал Петра в его поездках по стране. В 1693 году он был произведён в генералы.

Лефорт участвовал в Азовских походах и во время штурма Азова в 1695 году лично захватил турецкое знамя. После этого похода он был назначен Петром адмиралом русского флота. Это назначение не всем пришлось по душе, так как считалось, что Лефорт был несведущ в морском деле, но Пётр рассчитывал на его энтузиазм и энергию, чтобы создать русский галерный флот и перекрыть туркам доступ к Азову. Лефорт с этой задачей успешно справился (19 июля 1696 г. крепость Азов была взята).

Во время правления Петра I была организована дипломатическая миссия России в Западную Европу в 1697—1698 годах, которую возглавлял Лефорт и которая называлась «**Великое посольство**».

Лефорт Франц
Яковлевич

называется политик - знать свои выгоды,- объяснял Лефорт.

..." Чудно было его слушать: танцор, дебошан, балагур, а здесь вдруг заговорил о том, о чем русские и не заикались: "У вас каждый тянет врозь, а до государства никому дела нет: одному прибыли дороги, другому честь, иному - только чрево набить... Народа такого дикого сыскать можно разве в Африке. Ни ремеслов, ни войска, ни флота... Одно - три шкуры драть, да и те худые..."

Говорил он такие слова смело, не боясь, что Пётр вступится за Третий Рим... Будто со свечой проникал он в дебри Петрова ума, дикого, жадного, встревоженного. Уж и огонёк лампы перед ликом Сергия лизал зелёное стекло, и за окном затихали шаги дозорных, - Лефорт, рассмешив шуточкой, опять сворачивал на своё: - Ты очень умный человек, Петер... О, я много шатался по свету, видел разных людей... Тебе отдаю шпагу мою и жизнь... (Любовно заглядывая в карие, выпуклые глаза Петра, такого тихого и будто много лет прожившего за эти дни.) Нужны тебе верные и умные люди, Петер... Не торопись, жди, - мы найдём новых людей, таких, кто за дело, за твоё слово в огонь пойдут, отца, мать не пожалеют... А бояре пусть спорят между собой за места, за честь, - им новые головы не приставишь, а отрубить их никогда не поздно...

Выжди, укрепись, ещё слаб бороться с боярами... Будут у нас потехи, шумство, красивые девушки... Покуда кровь горяча, - гуляй, - казны хватит, ты - царь...

Близко шептали его тонкие губы, закрученные усики щекотали щеку Петра, зрачки, то ласковые, то твёрдые, дышали умом и дебошанством... Любимый человек читал в мыслях, словами выговаривал то, что смутным только желанием бродило в голове Петра...

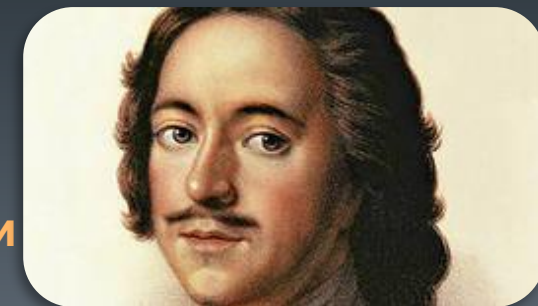
Лефорт стал нужен Петру, как умная мать ребенку: Лефорт с полслова понимал его желания, стерёг от опасностей, учил видеть выгоды и невыгоды и, казалось, сам горячо его полюбил, постоянно был подле царя не за тем, чтобы просить, как бояре — уныло стучая челом в ноги, — деревенек и людишек, а для общего им обоим дела и общих потех. Нарядный, болтливый, добродушный, как утреннее солнце в окошке, он появлялся — с поклонами, улыбочками — у Петра в опочивальне, — и так весельем, радостными заботами, счастливыми ожиданиями — начинался день. Пётр любил в Лефорте свои сладкие думы о заморских землях, прекрасных городах и гаванях с кораблями и отважными капитанами, пропахшими табаком и ромом, — всё, что с детства мерещилось ему на картинках и печатных листах, привозимых из-за границы. Даже запах от платья Лефорта был не русский, иной, весьма приятный...

Пётр хотел, чтобы дом его любимца стал островком этой манящей иноземщины...

Писатель не идеализировал Петра I. Горячность и темперамент, с которыми Пётр принимается за ломку и искоренение старых порядков, нередко приводят к издевательствам над людьми. Деспотизм царя-самодержца проявляется, например, в том, что он с издёвкой режет боярам бороды, бесчинствует в их домах, устраивает дикие шутовские шествия по улицам Москвы.

Но по отношению к родовитым боярам, недовольным реформами и тяготеющим к старому укладу жизни, деспотизм царя вполне оправдан. Толстой рисует в романе запоминающиеся типы спесивых, чванливых бояр родовитых фамилий, способных только сокрушаться по поводу старых порядков, ушедших теперь из жизни. Таков старый боярин Буйносов, медлительный и вялый тугодум, который олицетворяет вырождение этого привилегированного сословия в петровскую эпоху. На смену ему приходят энергичные, деятельные представители служилого дворянства и купечества, которые активно участвуют в преобразованиях Петра. Такие герои, как *Александр Меншиков*, *Андрей Голиков*, *семья Бровкиных*, сделали головокружительную карьеру, став близкими сподвижниками царя.

Женские образы в романе Царевна Софья

В светлице дремотно, только постукивает маятник. Много здесь было пролито слёз. Не раз, бывало, металась Софья между этих стен... Кричи, изгрызи руки — все равно уходят годы, отцветает молодость... Обречена девка, царская дочь, на вечное девство, чёрную скуфью...

Из светлицы одна дверь — в монастырь. Сколько их тут — царевен — крикивало по ночам в подушку дикими голосами, рвало на себе косы — никто не слышал, не видел.

И только на троне может эта сильная и волевая натура самореализоваться. Но трагедия Софьи в том, что не почувствовала она необходимость реформ для России, сделала ставку на боярство — консервативнейшую часть общества.

Царица Наталья Кирилловна

Мать Петра - *Наталья Кирилловна Нарышкина* - из бедного дворянского рода, «у отца с матерью в лаптях ходила», в чём её постоянно упрекала царевна Софья.

Она была бесправным существом в огромном семействе, куда её отдали замуж. Когда Пётр был маленьким, она боялась, что его могут убить в борьбе за власть. Сердце матери замирало, когда она слышала слова Софьи: «Жалко, стрельцы волчонка не задушили с волчицей». Толстой рисует образ заботливой, любящей матери, опекающей сына.

Когда мать Петра заболела и лежала при смерти, Пётр, «припав у изголовья, целовал ей плечо и лицо». Он с нежностью к матери сказал сестре: «Наташа, ...маманю жалко». Здесь мы видим, как образ Петра дополняется другими чертами - такими как любовь, жалость к матери.

Наталья Кирилловна живёт в постоянном страхе за сына. Ей непонятны его склонности и привязанности. Она была рада, если бы Петруша целыми днями сидел подле неё, чисто одетый и аккуратно причёсанный, но она верит в высокое предназначение сына.

Анна Монс

Несколько особняком стоит в романе образ *Анны Монс* — первой возлюбленной царя, не сумевшей оценить то значение, которое давала ей истинная любовь Петра.

Глупой мещанкой оказалась Анна, не сумевшая перешагнуть через предрассудки, а вернее всего, не полюбившая Петра. Он скорее пугал её, она пользовалась его щедротами, но сердце этой глупой немочки оставалось глухим к его любви.

Евдокия Лопухина

И вдруг поняла: теперь она полновластная царица... Зажмурилась, сжала губы по-царичьи... «Анну Монс — в Сибирь навечно, — это первое. За мужа — взяться... Конечно, покойная свекровь, ненавистница, только и делала, что ему наговаривала... Теперь по-другому повернётся. Вчера была Дуня, сегодня государыня вся Великия и Малыя и Белыя... (Представила, как выходит из Успенского собора, впереди бояр, под колокольный звон к народу, — дух перехватило.) Платье большое царское надо шить новое, а уж с Натальи Кирилловны обносы не надену... Петруша всегда в отъезде, самой придётся править...

Так же не понимает Петра и его жена Авдотья. Она горда своим положением царицы, но никак не хочет понять, что времена уже изменились и Петр не тот человек, которого можно приручить. Её роковой ошибкой было желание скорее занять место покойной свекрови. Но Пётр ей этого не простил. И пошла она вслед за другими в монастырь..

Екатерина

...блестели её темные глаза, как шёлк блестели её чёрные кудри, падающие двумя прядями на легко дышащую грудь. И казалось, — так же легко, как только что здесь по лестницам, она пробежала через все невзгоды своей коротенькой жизни...

Реформы Петра I

Царь *Пётр I* много сделал для России. При нём активно развивалась промышленность, расширилась торговля. По всей России начали строиться новые города, а в старых освещали улицы. С возникновением всероссийского рынка вырос экономический потенциал центральной власти. А воссоединение Украины и России и освоение Сибири превратило Россию в величайшее государство мира.

В петровское время активно проводилась разведка рудных богатств, строились чугунолитейные и оружейные заводы на Урале и в Центральной России, прокладывались каналы и новые стратегические дороги, сооружались корабельные верфи, а вместе с ними возникали и новые города.

Пётр I провёл областную реформу 1708–1710 гг., разделившую страну на 8 губерний во главе с губернаторами и генерал-губернаторами. В 1719 г. губернии были поделены на провинции, провинции на уезды.

Указом о единонаследии 1714 г. уравнивались поместья и вотчины, вводился майорат (предоставление права наследования недвижимости старшему из сыновей), целью которого было призвано обеспечить стабильный рост дворянского землевладения.

Укрепляя свои позиции на Балтийском море, Петр I ещё в 1703 году заложил в устье реки Невы город Санкт-Петербург, превратившийся в морской торговый порт, призванный обслуживать потребности всей России. Основанием этого города Петр "прорубил окно в Европу".

В 1722 году издан Табель о рангах всех воинских, статских и придворных служебных чинов, по которому родовое дворянство можно было получить «за беспорочную службу императору и государству». Персидский поход Петра в 1722–1723 годах закрепил за Россией западное побережье Каспия с городами Дербент и Баку. Там при Петре I впервые в истории России были учреждены постоянные дипломатические представительства и консульства.

В 1724 году был издан указ об открытии Петербургской академии наук с гимназией и университетом.

В романе Алексея Николаевича Толстого мы видим государя русского темпераментным, горячим, вспыльчивым, волевым, порой застенчивым, порой страшным. Нас поражают, удивляют такие качества, как жизнелюбие, размах, острый ум, ненависть к косности, упорство, непреклонная воля, талантливость, трудолюбие. Заслуга писателя в том, что ему удалось показать постепенное формирование Петра Первого как выдающейся исторической личности, а не сразу показать уже сложившегося полководца.

Пётр – сын своей эпохи. Можно с уверенностью сказать, что книга Алексея Николаевича Толстого «*Пётр Первый*» является художественным памятником великому человеку, равнодушному к своему народу, к своей стране.

Город Петра

САНКТ - ПЕТЕРБУРГ

PAZITIFF